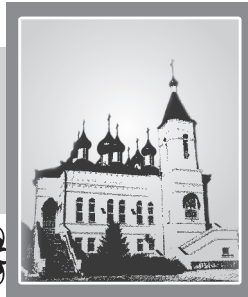

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Закон Божий с прот. Андреем Ткачевым. Беседа 18-я. Промысл Божий.

Друзья, сегодня поговорим об очень серьезной и важной теме. Правда, я не знаю ни одной темы, которая была бы вне серьезности, но, тем не менее, эта – важная: о Промысле Божиим.

Промышление – это мышление наперед. Приставка «про» означает уход вперед, а часть «мышление» – мысль; Промысл – это мышление Бога наперед. Бог знает, что будет впереди, Бог предвидит и предусматривает будущее и делает в жизни нашей что-то такое, что нам не нравится, чего нам не хочется, такое неприятное, странное, но, тем не менее, нужно смириться с этим, ибо хозяева жизни не мы. Потом, по прошествии времени, мы вдруг узнаём: вот для чего это нужно было, вот, оказывается, как хорошо. Это крест для сердца человеческого.

Скажем с Божией помощью пару слов о Промысле, поскольку мы находимся под тяжестью груза этого понятия и оно всех нас касается.

Вот, например, история праведного Иосифа. Как вы помните, Иосиф видел сны. Об этих снах он с доверчивой душой рассказывал: что ему поклонятся и отец, и мать, и братья – он будет во главе, как солнце, а другие – как луна и звезды; он будет снопом в центре поля, и все другие снопы вокруг него и ему поклонятся. Он с доверчивой душой рассказывал то, что Бог открывал ему во сне в образах, и пытался в гаданиях восстановить, как это будет. И братья завидовали: «Вон идет сновидец». Братья хотели из зависти убить его, и этим Иосиф послужил прообразом Иисуса Христа. Убить никому ничего не сделавшего плохого, только из зависти хотели родственники – родные люди. Слава Богу, Рувим уберег его от смерти, но братья бросили Иосифа в ров, а потом продали в рабство, и он попал в Египет. Потом была сложная страшная история с Потифаром и его женой, с блудным домогательством, с темничным заключением. Так или иначе, но Иосиф стал главным лицом для фараона. Он угадывал сны не только фараона, но и своих союзников-заключенных. Он предсказывал будущее. Бог был с ним.

Потом, когда братья пришли в Египет, они не узнали его, ибо он был во славе, причесан, покрашен, одет в египетскую одежду. Был в фаворе. И он открылся им: «Я Иосиф, брат ваш». Это очень важный момент, который касается отношений Христа и евреев, потому что они убили Христа ни за что, из зависти, а Христос любит их до сегодняшнего дня. А они не узнают Его, что Он – Мессия. Иосиф во славе говорит своим нищим братьям: «Я – брат ваш», и это будет рано или поздно с еврейским народом: Иисус Христос громко скажет еврейскому народу: «Я – брат ваш. Я – Мессия ваш». Они зарыдают и поймут, что они Его убили неправильно. Но не это сейчас тема нашей беседы.

Братья думали: теперь Иосиф их казнят,

ибо он имел полное право так сделать: он – во славе, они – никто.

Он – невинная жертва, ставшая славной, – Богом сохранен, а они – злодеи и убийцы по намерению. Но он сказал им следующие слова: «Вы не виноваты, это Бог послал меня сюда в Египет через ваши руки, чтобы теперь, когда голодно на всей земле, питаться вам и отцу нашему и всей земле, чтобы вам сохраниться, чтобы нам встретиться». Он приписывает Божию Промышленности злодеяния братьев, свою продажу в рабство, свои злключения, свое возвышение, голод на всей земле, приход братьев в Египет за хлебом и их встречу чудесную – всё это, как он считает, есть некая ткань, сотканная из ниток, а каждая по отдельности не понятна, зачем она.

Ну, вот нитка, вот еще одна нитка. И что? Это еще не ковер. Одна снежинка еще не снег, одна дождинка еще не дождь. А вот сотканые вместе нитки – это уже ковер, а еще – рисунок на ковре, а если издалека посмотреть, так это некое панно тканое. Вот тогда уже начинается понимание каких-то вещей.

Иосиф имел разум Божий, потому и говорил, что это все Бог так устроил. В этом было, конечно, человеколюбие: можно было братьев казнить – они того заслужили. Но он видел большее. Он думал: «Бог так устроил, что я не умер, я жив, я во славе, и вы теперь ко мне пришли. Вы мне нужны, я вас люблю, я вас простил, мы все живы и будем вместе».

Это и есть Промысл Божий, когда Господь Бог употребляет всю Свою мудрость на то, чтобы злые интенции, злые намерения демонов и людей сплестать воедино, пожар пожаром тушить и в конце концов выводить всё на некую благую и полезную цель. Это мы называем Промышлением Божиим, знанием наперед, предвидением, благим ведением, приведением людей, народов, племен и отдельного человека через историю к некоей благой цели. Вот что такое Промысл Божий. Его нужно учиться замечать.

Теперь такой психологический практикум. Пусть каждый из вас вспомнит свою жизнь с самого детства, с того момента, откуда начинаются первые проблески детского сознания, и проследит по годам школьным, поклассно, поротно, побатальонно через армию, через первую любовь, через первый поцелуй, через первый мордобой, через первый грех, через первые слезы жизнь свою до сегодняшнего дня. Я думаю, что большинство людей, в ком совесть не умерла, поймут, что вся эта ткань сложная, кажущаяся сплетением случайностей, на самом деле является неким единым ковром, где Господь был главным. Я хотел пойти туда, но опоздал на самолет. Я хотел поступить туда, но там прекратили принимать документы, поэтому поступил сюда. Я хотел

на этой девушке жениться, а она полюбила моего товарища. Я женился не на ней, а совершенно на другой через пять лет. Я хотел поехать на Север, завербоваться на нефтяные скважины, но меня не взяли по комиссии, здоровье подкачало, и я теперь занимаюсь математикой и всю жизнь, видимо, буду ею заниматься. Это хитросплетение разных событий должно показать человеку, что над ним был Бдящий и Стережущий.

Жизнь каждого человека – это ненаписанная книга. А книга чего? Книга Промысла Божия. Просто в силу нашей невнимательности к жизни мы не замечаем этого постоянного над нами, смотрящего нам в затылок внимательного взгляда Того, Кто любит нас.

То же касается и истории. Среди наук, близких к богословию, есть некоторые, которые к нему ближе всех. Например, филология. Некто из отцов – не из отцов Церкви Древней, святой и сияющей, а из современных учителей веры, а, может быть, даже из западных учителей, кардиналов или богословов... Так вот, некто из отцов сказал: «Филология рождает богословие». Правильные слова. Займись еврейским языком – и полюбишь Тору. Займись греческим – и влюбишься в Евангелие. Займись латынью – и полюбишь Цицерона. Займись чем-то еще – и начнешь читать великие книги. А начнешь читать великие книги – сам будешь великим, потому что чтение о величии замыслов тянет человека на великое. Филология рождает богословие.

А кроме филологии близка к богословию история. История – это книга Промысла Божия об отдельных народах и племенах. Это то, что нам нужно чувствовать над собой. Где я родился? Где я был воспитан? Где я жил? Вот там. А служил? Учился? Где я сейчас живу? И если, как по географии, карту начертить, это будет такая странная кривая через многие города и веси. Нет такого, что здесь родился, здесь остался, здесь всю жизнь прожил. Вот тебя носит по жизни. А что это такое? Это такой тайный узор, рисунок. Это рисунок Промысла Божия о человеке.

Но ты сам являешься лишь элементом общего рисунка. Подойдешь к мозаике, смотришь на нее в упор: вот камешек, вот камешек... – ничего не понимаю. Отходишь на пару метров – это нога. А чья нога, не знаю. Отходишь на 10 метров – это нога человека, а что за человек – не вижу. Отошел на 100 метров – и понимаешь: панно изображает битву при Гавгамелах Александра Македонского или битву спартанцев с Ксерксом. Нужно отойти на серьезное расстояние от рисунка, чтобы понять красоту его отдельных нитей. Это и есть Промысл. Лицом к лицу не разглядишь лица.

И к старости люди, оценивая свою прожитую жизнь, понимают, что они были

хранимы, были соблюдаемы, они были под покровом, это было Божие дело. Как писал Арсений Тарковский:

Жизнь брала под крыло,
Берегла и спасала,
Мне и вправду везло.
Только этого мало.
Всё, что сбыться могло,
Мне, как лист пятипалый,
Прямо в руки легло,
Только этого мало.
Листьев не обожгло,
Веток не обломало...
Всё горело светло.
Только этого мало.

Жизнь человеческая – это нитка в гобелене. Это кусочек слюды большой мозаики. Отойди на расстояние – и узнаешь, что ты вшит, вставлен, вмонтирован в огромную картину. Это есть Промысл. Ты не понимаешь сам себя. Почему здесь, почему я тут? Почему я родился в XX веке, а не в XIX? Я бы тогда занимался химией вместе с Менделеевым и поэзией вместе с Блоком. Почему не родился в XVII-XVIII веке? В мушкетерском полку во Франции вместе с д'Артаньяном служил бы. Почему не родился с Колумбом вместе? Я бы поплыл из Испании в Латинскую Америку, чтобы папуасов к вере приводить. Почему я здесь, а не там? Потому что ты маленькое звено в огромной картине. Это Промысл Божий. Ты – нужное по цвету, по гамме, по качеству, по фактуре стеклышко, вставленное в одну большую картину. Это понимают к концу жизни обычно. Но лучше бы понять пораньше.

Поймите пораньше, что вы не забыты, не брошены, не ввергнуты в хаос, что вы любимы, интересны, нужны Богу именно там, где вы есть, именно здесь, где вы сейчас ходите. Это есть Промысл Божий.

Читайте историю Церкви, историю мира, историю разных стран, потому что, по слову старца Нектария Оптинского, история – это наука, объясняющая Промысл Божий о целых народах. Это книга Промысла Божия, действующего в мире. Будем внимательны к дыханию этого Промысла.

Ты хочешь, чтобы дочка вышла замуж за миллионера, а она вышла замуж за монтера. Ты хочешь, чтобы сын был актером театра и кино, а он стал пилотом гражданских авиалиний. Ты хочешь это, а получается это – не дергайся. Это Промысл Божий. В мире творится не твоя воля, а Божия. «Да будет воля Твоя, Господи!» – нужно говорить.

Будем стараться познавать Промысл Божий в истории народов, в истории Церкви, в личной своей истории, оглядываясь назад, в истории детей своих и ближних своих, выслушивая их рассказы и исповеди. Будем стараться не нарушать всех промыслительных действий Господа Бога в мире, чтобы не быть Ему противником. Мы – маленький камушек в огромной мозаике, красоту которой можно понять, лишь отдалившись на необходимое расстояние.

Молитвы. Молитва является самоопределением человека и превращением его из животного в личность, по подобию Высшей Личности. Молитва – это стяжание внутреннего, незримого света, исходящего от Бога как от своего источника. Молитва – это начало вечной жизни на земле; молитва – это свидетельство того, что человек – не только плоть, но и дух, что человек принадлежит не только земле, но и небу. Молитва – это обретение самого себя в Боге. В молитве мы не столько общаемся – сколько получаем. Молитва – это обращенность от земной пыли к бесконечному простору неба. Что такое молитва можно познать только через саму молитву, как что такое любовь – можно понять, только пережив ее. Молитва – это дыхание души. Спрашивать, зачем надо повторять молитву, – так же странно, как спрашивать, зачем мы постоянно дышим или почему мы не можем жить, если у нас перестает биться сердце. Вы пишете: «Порекомендуйте, пожалуйста, что-нибудь почитать по этому вопросу». Такая книга – сама Иисусова молитва, читаемая постоянно. В этой книге есть начало и предисловие, но нет эпилога и конца.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Вопросы

СВЯЩЕННИКУ

Если я становлюсь случайным свидетелем сеансов т.н. целителей, надо ли читать «Да воскреснет Бог...», осенять крестным знамением их и себя и т.п.? Не может ли это быть причиной собственных неприятностей? И далее, надо ли участвовать в интернет-форумах?

В таких случаях можете про себя читать Иисусову молитву, мысленно осеняя себя и «целителя» крестным знамением. Читать «Да воскреснет Бог» при нападении злой силы заповедали нам отцы. Молитва мучительна для колдунов и чародеев. Когда Кашпировского после одного из сеансов попросили сказать молитву «Отче наш», тот ответил, что не знает наизусть, а когда предложили прочесть по книге, то ответил, что не может сделать это.

Мне кажется, что форумы небезопасны для православных, особенно для тех, кто плохо знает богословие; он может не различить лжи от истины и принять ложь.

Меня очень интересует вопрос, что такое молитва, в чем ее суть? Господь в Писании Сам говорит, что прежде

нашей молитвы знает, в чем мы имеем нужду. Так зачем же многократное повторение Иисусовой молитвы? Порекомендуйте, пожалуйста, что-нибудь почитать по этому вопросу, если невозможно на него кратко ответить.

Молитва – это общение человека, как образа Божьего, со своим Создателем и Первообразом. Молитва – условие для действия благодати в душе человека. Молитва – это преодоление своей тварной ограниченности через слово, единящее душу с Богом. Молитва – это диалог двух личностей: ограниченной и Бесконечной. Молитва – это потребность любви, стремящейся к общению. Мы находимся в постоянном общении, если не с Богом, то с миром, со своими страстями и демоном, поэтому молитва – выбор общения и утверждение в ней; она созидает и хранит. Если человек молится внимательно, то повторяется только вербальная форма молитвы, как некая статика, а на самом деле внимательная молитва получает все более глубокое содержание. Поэтому истинная молитва – это всегда новая молитва. В молитве человек не только открывает Богу свое сердце, но изменяется само сердце, так как Бог невидимо и неслышно отвечает на слова

«Райские хутора»

и другие рассказы священника Ярослава Шилова

Продолжение. Начало в №20 (308)

Карцев вздохнул с облегчением, но тут же сообразил, что делает это преждевременно, что угроза столкновения все не миновала. Становилось уже совсем темно, надо было двигать в поселок, но именно туда пошли и волки... Взяв ящик, Карцев заспешил вслед за ними. Шел он быстро, почти бежал, сжимая в руках полутораметровую железину коловорота. Опасаясь нападения сзади, оборачивался, озирался по сторонам. Запыхавшись, остановился, сел на ящик отдохнуть, отдышаться и услышал вдруг:

— Тппруу! Здоров, рыбак! Дня не хватило? — подъехали сани, в санях — вчерашний мужик.

Карцев торопливо и сбивчиво стал рассказывать.

— Да знаю я! — отвечал мужик. — За собаками ходят. У меня и ружье всегда с собой взято, — он откинул рогожу, показывая ружье, — да вот не попадаются, разбойники! Залезай, вместе поедем... Прямо на мешок и садись — в нем рыба мороженная, не раздавишь.

— Откуда столько рыбы?

— Да это мы сетью для магазина ловим. Хочешь — покупай: сдадим сейчас в магазин, там и возьмешь. Сел?

Поехали. Карцев не переставая рассказывал и рассказывал, как он принял сначала волков за собак, как бросил бутылку, как бежал. «Ну совсем не испугались: отвалили в сторонку, и хоть бы что...»

— Чего им бояться? Хозяева! На ферме сколь телят порезали, сколь собак — всем кранты вышли! Одна Буська их не боится — кошка, стало быть. На ферме она живет. Сама черная — жуть! А башка белесая, вроде как седая. Ну вот... Волки придут, а она по крыше носится, воеет: дразнит, значит, их, бармалеев. Они обсердятся и тоже, значит, взбrehивать начинают. Ну, сторожиха, бывало, услышит да трансформатор, что для электродойки, как включит! А он ревет, будто много бомб сразу падают... Ты под бомбежку не попадал? Не?... Ну да, малой еще совсем был. Хотя и малым доставалось. Стало быть, повезло... А волки, значит, и утекают. Такая Буська... Случалось, с крыши слетала — по нечаянности, конечно. На волков прямо. И ничего, сберегалась, а как — кто же ее знает.

— Вы бы покараулили волков, — предложил Карцев.

— Караулили, — махнул рукою мужик. — Пока караулишь — их нет, только уйдешь — тут как тут...

Въехали на берег, на улицу. Сдали рыбу в магазин, и Карцев купил пять килограммов. «Будет теперь с чем в Москву возвращаться, — весело говорил он, укладывая окуней в полиэтиленовый пакет. — А то обычно: пустым приедешь — жена спрашивает, где был; мелочи привезешь — говорит: «Возись сам»». Мужик еще и довез его до Зойкиного дома. Там началось: «ах», «ох», да «где ж это вы пропали», да «мы уж переволновались тут». Карцев снова определял мотыля, снова смотрел телевизор, ужинал.

Но в этот вечер прекраснoдушие ни на минуту не покидало его. Он любил сейчас всех: не только детей своих, жену, хозяйку и ее дочь, любил спасителя-возницу и оклемавшуюся соседку, любил местных рыбаков... Он любил всех. Любил безоговорочно, безоглядно.

Укладываясь спать, увидел в трюмо свое отражение: глаза блестели, щеки пылали, губы расплывались в улыбке. «Вот что значит свежий воздух, вот что значит рыбалка!» — выключил свет, лег и в темноте: «Особенно если с волками и если идет третий день», — не удержался от соблазна осадить самого себя.

И тут же почувствовал, что кровь начинает отливать от щек, глаза становятся суше. «Интересно, как выгляжу я теперь», — с холодной иронией подумал он, не вставать и зажигать свет поленился.

Охотники

В молодости, когда я много охотился, были у меня в районном городе С. два компаньона: дядя Миша и Николай. Друг на друга совсем не похожие — и внешне, и по своему внутреннему укладу, и по восприятию предмета нашего интереса. То есть

любили они охоту одинаково горячо, но при этом подход к ней был у каждого неповторимо своеобразен.

Надо признать, что пары совершенно разнородных охотников, относящихся друг к другу уважительно и пребывающих при этом в постоянном соперничестве, встречались мне неоднократно. Как правило, их состязательность начисто лишена перспектив, поскольку каждый усердствует на своем обособленном поприще, и сравнивать их достижения нет возможности. Вероятно, так случается потому, что охота во всей ее полноте — понятие сверхобширнейшее и в одного человека никак не вменяемое. Вот люди и преуспевают лишь в отдельных частях всего состава: один увлечен меткой стрельбой, другой — натуралист-созерцатель, третий влюблен в старые ружья, четвертому веселую компанию подавай, пятый — добытчик и всегда рассчитывает на прибыль, шестой любит путешествия с приключениями, седьмой — собачник... можно продолжать и продолжать...

Дядя Миша был стар и глух. Но что самое примечательное — невероятно суеверен. Ни до, ни после я никогда не встречал человека, в котором суеверие было бы доведено до такой высокой степени совершенства. Впрочем, обо всем этом я узнаю несколько позже, а предстал он предо мной в ореоле самого многоопытного охотника всего здешнего края.

Утром, еще затемно, мы выходили из дома и направлялись к окраине — тогда по улицам этого города можно было свободно ходить с расчехленным ружьем. Тут из каких-либо ворот выходила баба с метелкой, чтобы подмести перед своими окнами земляной или деревянный тротуар, дядя Миша испуганно вздрагивал, и мы, развернувшись на месте, поворачивали в обратную сторону. Потом нам попадалась баба с пустым ведром, потом — с распущенными волосами, наконец, черная кошка, подбитая ворона, хромой щенок... Все это могло иметь исключительно неблагоприятный смысл, и мы метались по городу взад-вперед, влево-вправо, пока не оказывались на аэродроме или на кладбище.

Кладбище там старинное, сплошь заросшее березами, черемухой и бузиной, так что однажды я заплутал и начал аукаться, но дядя Миша, который тоже запутался в лабиринте оград и кустов, по глухоте своей меня не услышал. Зато услышал священник, вывел из дебрей и для отыскания моего напарника помолился Иоанну Воину и мученику Трифону. Дядя Миша скоро нашелся, но время близилось к часу обеденному, и батюшка пригласил нас к себе домой. Погостили мы замечательно — до позднего вечера. Во время обеда дядя Миша много и с мечтательностью рассказывал о настоящей охоте, какая случалась в старые времена.

— Как же ты сквозь баб за околицу выбирался — или их тогда меньше было? — спросил священник.

— Нет, просто я примет меньше знал.

— Потому и охота у тебя складывалась. А теперь дребедени набрался и пугаешь ружьем покойников. Первый устав российского флота повелевал за суеверие — в мешок и за борт. Понял, безбожник?... Вот Николай, твой бывший приятель, человек не-суеверный, на праздники в храм ходит, исповедуется, причащается, так к нему зайцы сами под ноги бегут...

Впрочем, несколько раз нам удавалось вырываться из города, и мы охотились на опушках вокруг деревень: один из нас шел полями вдоль леса, другой — чуть в глубине, среди деревьев, мы нагоняли друг на друга тетеревов, рябчиков, глухарей. Дядя Миша хорошо знал угоды, и охота была фартовой, но без манер, беспорочно какой-то.

Однажды, не помню уже при каких обстоятельствах, познакомился я с Николаем, которому дядя Миша по причинам, мне непонятым, определенно завидовал, и с тех пор я ездил уже к нему. Николай тоже был весьма великовозрастным, но молодеж приметливого суевера. К дяде Мише он относился вполне добродушно, жалел его и молился за него. Николай во всем любил обстоятельность, ценил традицию и уклад. Он держал гончих, и мы удачно охотились по чернотропу.

Рано утром, еще в темноте, с ружьями и собаками мы пешком уходили за городские окраины, весь день бродили по окрестным полям, вечером так же пешком возвращались домой. Измотанные собаки устало брели по деревянным тротуарам, уступая дорогу редким встречным прохожим, которые приветствовали нас и весело поздравляли «с полем».

Николай кормил собак, хозяйка кормила нас, наконец мы усаживались на диван под картиной с подписью Юлия Юльевича Клевера, изображавшей весенний лесной пейзаж с тянущим вальдшнепом, и отдыхали.

Николай уверял, что полотно действительно принадлежит кисти дореволюционного академика и висело раньше в какой-то дворянской усадьбе. Вот по этому полотну и вздыхал дядя Миша, утверждавший, что в прежние времена у каждого настоящего охотника была картина художника Клевера. Мне, правда, казалось, что краска как-то уж слишком свежа для девятнадцатого столетия, клюв у вальдшнепа великоват, да и сам он несоразмерен, но все равно радостно было сидеть под такой картиной.

Приходил кот — черный, большой, с истрепанными в битвах ушами: садился на полу против нас и слушал наши беседы. Поначалу — внимательно, то переводя взгляд с одного на другого, то задумчиво опуская его долу, словно участвовал в разговоре. Потом зажимивался, начинал урчать и перебирать когтями льянную дорожку. Наконец неопределенность положения надоедала ему, он вспрыгивал на диван, устраивался между нами и засыпал.

Первым ушел Николай, успевший перед кончиной подарить дяде Мише завидную собственность. Однако тот недолго любовался художественным творением...

Батюшка отпел их обоих, и они упокоились рядышком на дремучем погосте, где так славно было плутать с ружьем.

Сапоги из Трапезунда

Не желая кого-либо обременять, я спросил ближайшую брошенную деревню и к вечеру стал однодворцем. Рядом располагалось еще несколько изб, но все — негодные для ночлега, так что рассчитывать на мелкопоместность не приходилось. Хотя в иных случаях мне доводилось коротать время не только в совершенно справных, разве что опустевших, деревнях, но даже и в натуральных селах: с соборами и прочими одинаково обезлюдевшими сооружениями как казенного, так и частного предназначения.

На другой день погода выправилась: стих ветер, дождь перестал, и можно было пускаться дальше, но тут я познакомился с прежним хозяином дома, Павлом Степановичем Мешалкиным, и лишний раз убедился, что обстоятельства, сбивающие нас с намеченного пути, сулят подчас куда более заманчивые последствия, чем достижения цели.

Я прожил в этой деревне неделю. Неделю — разбирая бумаги, оставленные бывшими жильцами за ненадобностью. Меня ждали некоторые дела, и следовало поскорее отправиться дальше, но Павел Степанович не отпускал.

Сначала он показался мне обыкновенным занудою: в ворохах бумаг часто встречалось каллиграфически выведенное слово «жалоба», иногда — «прошение». Скоро, однако, обнаружилось, что самих «жалоб» и «просений» не столь уж и много, зато писаны они во множестве экземпляров: перерабатывая и дополняя, автор, должно быть, стремился к некоему совершенству. Так, датированный 1923 годом, текст «Прошения о перестании полагать товарища П.С. Мешалкина недоимщиком по уплате сельхозналога» имел четырнадцать вариантов, а отдельные страницы преобширнейшей «Жалобы на соблазнительное поведение сборщицы сельхозналога В. Лепетяевой» переписывались до тридцати раз, и оттого вполне позволительно утверждать, что Павел Степанович кое в чем сумел превзойти самого графа Толстого.

Следующее наблюдение и вовсе смутило меня: в то время как Мешалкин даже под черновики жертвовал прекраснейшую бумагу, дочь его решала арифметические задачи про жнейки, стога и пуды на страницах печатной продукции. Были тут брошюры с таблицами займов, с постановлением «О порядке разрешения трудовых конфликтов, возникающих на почве применения наемного труда в крестьянских хозяйствах» от 1924 года, «Законодательство о трестах» 1925 года, «Выращивание сои на севере СССР», «Как устранить яловость животных?» и другие издания не меньшей значимости. Несколько самодельных тетрадей было сшито из рекламных афиш «Крестьянской газеты» и цветастых плакатов, объявлявших «волостные торги недвижимостью» и «сдачу лесов в аренду». Такая, между прочим, была жизнь в энпманские времена.

Продолжение следует

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

17 июл., вс. — Неделя 4-я по Пятидесятнице. Свт. Андрѣя, архиеп. Крѣтского. Прп. Мάρфы, матери Симеона Дивного́рца. Прп. Андрѣя Рублева, иконописца. Страстотерпцев царя Никола́я, царицы Алекса́ндры, царевича Алекси́я, великих княжен О́льги, Тати́аны, Мари́и и Анастаси́и. Блгв. вел. кн. Андрѣя Боголю́бского.

18 июл., пн. — Прп. Афанасия Афонского. Обрѣтение честныхъ мощей прп. Сѣргия, игумена Радо́нежского. Прмцц. вел. кн. Елиса́веты и инокини Варвары.

19 июл., вт. — Прп. Сисо́я Великого. Собор Радо́нежских святых. Обрѣтение мощей прав. девы Иулиани́и, кн. Ольша́нской. Блгв. кн. Глеба Го́роденского. Прп. Сисо́я, схимника Печерского, в Дальних пещерах. Мц. Лукии девы и с нею мчч. Рикса, Антония и прочих.

20 июл., ср. — Прп. Фо́мы, иже в Ма́лѣи. Прп. Ака́кия, о немже повествуется в Лѣ́ствице. Прп. Евдо́кии, в инокинях Евфроси́нии, вел. кн. Московской. Мч. Евангела. Мц. Кириакии.

21 июл., чт. — Явле́ние иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани. Вмч. Проко́пия. Блж. Проко́пия, Христа ради юродивого, Устюжского чудотворца. Празднование в честь зна́мения от иконы Божия Матере Благовѣщения, яже во граде У́стюге. Прав. Проко́пия Устья́нского. Сщмчч. Александра, Феодора и Николая пресвитеров.

22 июл., пт. — Сщмч. Панкра́тия, еп. Тавроменійского. Свт. Феодо́ра, еп. Еде́сского. Прп. Иоа́нна Пеще́рника. Прп. Феодо́сия Еде́сского. Прпп. Патерму́фия и Коприя Египетских. Мч. Иоа́нна. Сщмч. Кири́лла, еп. Горти́нского. Сщмч. Константина пресвитера.

23 июл., сб. — Положе́ние честной ри́зы Господа нашего Иису́са Христа в Москве. Прп. Антония Пече́рского, Киевского, начальника всех русских монахов.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор — настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Набор и верстка — на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем — 1 печатный лист. Тираж — 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!